

Recenzenci tomu:

Dr hab. Prof. UwB Wojciech Śleszyński (Uniwersytet w Białymstoku)

Doc. Dr Galina Miškinienė (Instytut Języka Litewskiego w Wilnie)

Redaktor tomu: Artur Konopacki

Korekta: Jolanta Dragańska

Indeksy zestawiał: Artur Konopacki

Wydawca:

Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej Oddział Podlaski

© Copyright by: Związek Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej Oddział Podlaski, Artur Konopacki, Białystok 2015

**Wydanie publikacji sfinansowano dzięki dotacji
Ministerstwa Administracji i Cyfryzacji**

Skład graficzny:

Krzysztof Tyborowski

ISBN 978-83-944733-0-3

Spis treści
Contents of the book

TATARSZCZYŻNA W BADANIACH KONTEKSTY INTERDYSCYPLINARNE

RESEARCH IN TATAR STUDIES INTERDISCIPLINARY CONTEXTS

EDITED BY
ARTUR KONOPACKI

Białystok 2015

Канапацкая Зорина Ибрагимовна
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Политические репрессии в судьбах белорусских татар. (30-е годы XX века)

В результате Первой мировой войны (1914-1918 гг.) единый народ – белорусские татары оказались в составе трех суверенных государств – Речи Посполитой, Литвы и БССР. В БССР находилась почти 4-х тысячная этническая общность – 3.777 человек. Из них 558 человек (или 14,9% от всего количества татар и 0,01% всего сельского населения республики) были сельчанами. 3129 татар (85,1% и 0,38%) согласно вышеуказанных категорий были горожанами¹. Перед войной в Минске жили 1.146 татар. Согласно переписи населения 1923 г. – 1.045 (т.е. их численность уменьшилась на 101 человека). Мужчин было 474, женщин 571. Количество женщин даже увеличилось, но значительно уменьшилось количество мужчин. Обстоятельство военного времени отыграли тут безусловно определенную

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года: Белорусская Советская Социалистическая Республика. – Т.Х. – М., 1928, с. 9-13.

роль². Согласно следующей переписи, проведенной в 1926 г. татарское население в городе составляло 1283 человека (т.е. за три года выросло на 243 чел.)³.

Положение татар в БССР было сложным и противоречивым. Жизнь татарского меньшинства в БССР, происходило в направлении тех социально-экономических, политико-общественных изменений, которые имели место в стране. Анализ источников и документов свидетельствует про то, что советская власть в БССР сделала все, чтобы подорвать традиционный образ жизни белорусских татар, разрушить центры сохранения этноконфессиональной специфики этого народа. Уже в первые годы советской власти были закрыты мусульманские школы при мечетях. Немного позднее, сражаясь с проявлениями религиозности, начали закрывать мечети. Необоснованные репрессии были поставлены в центр деятельности партийно-государственных органов Беларуси.

Автору довелось изучать архивные дела белорусских татар – жертв политических репрессий. Каждая страница этих документов – это страница трагедии конкретного человека и татарского народа в целом. Их нельзя читать без волнения и сопереживания. Изучение их дает возможность представить жуткую картину беззакония и насилия, господствующих в общественной жизни Советской Беларуси тех лет. Анализ архивных источников показывает, что политические репрессии затронули почти каждую татарскую семью, принесли немногочисленному татарскому народу огромные потери.

Как известно, наибольший размах репрессии приобрели в 30-е годы XX в. В 1937-1938 гг. по приказу из Москвы проводилась операция по ликвидации польской, немецкой и латвийской агентуры. Центр считал, что БССР являлась плацдармом для проникновения вражеской, особенно польской «агентуры» в другие регионы СССР. В августе 1938 г. согласно приказу Н. Ежова подлежали аресту не менее чем 7-8 тысяч польских «шпионов» - бывших участников

² А. Цвяткоў, *Некалькі слоў аб менскіх татарах*. «Наш край», 1927, № 6-7, с. 3.

³ Г.І. Гарэцкі, *Нацыянальная асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР наводле перапісу 1926 г.*, Палымя, 1929, №5, с. 84-85.

польских военных формирований, политэмигрантов, членов нелегальной «Польской организации войсковой» (ПОВ) и др. Сразу по трем статьям: §§ 71, 76 Криминального Кодекса БССР (шпионаж, диверсия, участие в контрреволюционных организациях – 3. К.) было предъявлено обвинение бухгалтеру артели Белпромсовету Байрашевскому Александру Мустафовичу, 1890 г. рождения, служащему, из дворян, бывшему члену КП(б)Б с 1920 года⁴. В соответствии с постановлением Народного Комиссара Внутренних Дел БССР и Прокурора СССР от 17 декабря 1937 г. Байрашевский А. М. был расстрелян. Приговор был исполнен в Минске 26 декабря 1937 г. Об этом свидетельствует выписка из акта, подписанная начальником 8-го отдела УГБ НКВД БССР, лейтенантом госбезопасности Розкиным.

Брат расстрелянного А. М. Байрашевского – Ибрагим Мустафович Байрашевский был арестован ОДТО ГУГБ НКВД станции Минск 22 августа 1937 г. по подозрению в шпионаже на пользу Польши. Из материалов следственного дела И.М. Байрашевского видно, что он жил с 1920 по 1922 гг. в Польше, где также находился еще один родной брат Байрашевских (к сожалению, имя его не называется – 3. К.), которым Ибрагим Мустафович поддерживал до 1928 г. переписку. В ходе следствия Ибрагим Байрашевский сначала обвинялся в шпионаже, а затем, когда шпионаж не подтвердился, - в антисоветской агитации. Винаватым себя в предъявленных ему обвинениях Ибрагим Байрашевский не признал. Тем не менее постановлением НКВД СССР и Прокуратурой СССР от 28 сентября 1937 г. он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер 16 апреля 1943 г. в Ухтижемлаге (Коми АССР)⁵.

После вскрытия культа личности И. Сталина Мария Полторжицкая, жена А. М. Байрашевского, неоднократно обращалась в судебные органы с просьбой о реабилитации мужа. 5 сентября 1956 г. заместитель Генерального Прокурора СССР генерал-майор юстиции Е. Ворский направил протест в Военную коллегия Верховного Суда СССР (в порядке надзора – 3.К.)

⁴ Архив КГБ РБ, дело 32037.

⁵ Архив КГБ РБ, дело 32037.

по делу Байрашевского А. М. Руководствуясь статьей 25 «Положения о прокурорском надзоре в СССР» заместитель Генерального Прокурора СССР Е. Ворский просил Военную коллегия Верховного Суда СССР отменить Постановление комиссии НКВД и дело прекратить за отсутствием состава преступления. Военная коллегия Верховного Суда СССР на заседании 12 декабря 1956 г. приняла протест Генерального Прокурора СССР и отменила постановление НКВД и Прокурора СССР от 17.12.1937 г. в отношении к Байрашевскому А. М.»⁶. Решение Военной коллегии Верховного Суда СССР в отношении Байрашевского А. М. было доведено 9 января 1957 г. его жене Полторжицкой Марии Хасановне и ей была вручена справка о реабилитации мужа.

5 июня был арестован и 21 сентября 1938 г. осужден Тройкой как агент германской и польской разведок к высшей мере наказания бухгалтер Теплоцентрали Михаил Иосифович Ризванович. Расстрелян 25 сентября 1938 г. Реабилитирован 30 апреля 1989 г. Прокуратурой БВО⁷. 11 июня был «арестован и осужден 25 сентября 1938 г. Тройкой как польский шпион татарин из дворян, сын муллы» к высшей мере наказания главный бухгалтер Народного комиссариата земледелия Смайкевич Сулейман Мустафович. Расстрелян в Минске 29 сентября 1938 г. Реабилитирован 10 августа 1959 г. Военным Трибуналом БВО»⁸.

Летом 1938 г. был арестованы и осуждены Тройкой как агенты польской разведки к расстрелу братья Адам и Бронислав Гимбицкие, которые происходили из хутора Петрова Докшицкого района, Витебской области, жили и работали в м. Докшицы. Адам работал заготовителем Бегомльского отделения «Союзкож», а Бронислав грузчиком Райсоюза. Расстреляны 26 ноября 1938 г. Реабилитированы военным трибуналом соответственно 21 декабря 1960 г. и 18 января 1961 г.⁹.

⁶ Архив КГБ РБ, дело 32037.

⁷ «Байрам», 1998, № 2, с. 25.

⁸ Архив КГБ РБ, дело 14549.

⁹ «Байрам», 1998, № 2, с. 25.

26 июля был арестован, осужден 1 ноября 1938 г. Тройкой к расстрелу бывший полковник царской армии Осман Бекирович Смольский за то, что являлся участником шпионско-повстанческой офицерской организации, проводил шпионскую контрреволюционную работу на территории Советского Союза в пользу Польши»¹⁰. В вину О. Б. Смольскому была поставлена его служба в армии Врангеля. Вместе с ним служили двоюродный брат капитан Александр Мустафович Смольский (был расстрелян органами УВЧК в Симферополе в конце 1920 г. – З. К.), родные братья капитан Константин Бекирович Смольский (жил в Польше – З. К.) и Михаил Бекирович Смольский, который был врачом. Спасаясь от репрессий и преследований чекистов Осман и Михаил вместе со своей матерью после разгрома армии Врангеля выехали в Минск. Михаил начал работать врачом-терапевтом, затем заведующим терапевтического отделения железнодорожной больницы, а по совместительству ассистентом кафедры физиологии, экспертом по внутренним болезням. Осман определенное время не мог найти работу и жил на содержании брата. Перед заключением он работал кассиром Белкомунбанка. Михаил Бекирович Смольский был арестован 1 ноября 1938 г., т.е. в тот день, когда был вынесен смертный приговор его брату Осману. Он также обвинялся в шпионаже, но следствию «не удалось доказать его связь с подполковником Сулейманом Битютко как польским агентом, потому что последний не арестовывался и в шпионаже в пользу Польши не был разоблачен»¹¹. Поэтому 5 декабря 1938 г. он был освобожден.

В результате проведения массовой акции по разоблачению польских «шпионов» первоначальные планы чекистов были «успешно» перевыполнены. По данным на 12 декабря 1938 г. в процессе «Операции по польской агентуре» было арестовано 21407 польских «шпионов, диверсантов и участников повстанческих операций». Национальный состав арестованных характеризовался следующим образом: 9196 поляков, 10120 белорусов, 1059 евреев, 386 русских, 181 украинец, 105 немцев, 122 латыша, 133 литовца, 110

¹⁰ Архив КГБ РБ, дело 24146.

¹¹ Архив КГБ РБ, дело 24146.

человек других национальностей. Все они будто бы входили в 111 разветвленные повстанческие организации, разбитых на 522 группы. За время проведения «немецкой операции» было ликвидировано 129 диверсионно-повстанческих и 18 шпионских групп с общей численностью 563 человека, где немцы составляли 428 человек. Среди них было 1089 латышей, 203 белоруса, 56 поляков, 41 еврей, 33 литовца, 16 русских, 21 человек других национальностей. Особая Тройка НКВД БССР, рассмотрев 6770 дел приговорила к высшей мере наказания 4650 «шпионов и диверсантов»¹². Как считает белорусский исследователь межвоенных советско-польских взаимоотношений Р. Р. Лазько: никакой разведки Польши на территории СССР не было. Свой довод, с ссылками на ряд польских исследований, он аргументирует следующим образом: «Оказывается, советская страна, о которой в Варшаве было известно, что она находилась в глубоком кризисе, мало интересовала польское военное и политическое руководство»¹³. Таким образом, репрессии нельзя даже косвенно оправдать тем, что в массу невиновно обвиненных в шпионаже в пользу Польши, Германии, Латвии попадали настоящие шпионы. Репрессии 1938 г. затронули все пласты общества, в том числе и организаторов этих репрессий. Были арестованы 99 секретарей райкомов КП(б)Б со 101, более за 50 председателей райисполкомов, секретари ЦК КП(б)Б.

Репрессии продолжались и в следующие годы. И хотя наибольшая их волна пришлась на прошлые 1936-1938 гг., тем не менее в следующие годы никто не мог быть гарантирован от бдительного внимания к своей личности со стороны «органов» и имеющих произойти от этого последствий. Особенно это касалось населения регионов, которые были включены в состав СССР в 1939-1940 гг. – Западной Беларуси, Западной Украины, Прибалтики, Бессарабии, и Северной Буковины. Советские власти решили очистить эти

¹² І. І. Навіцкі, *Савецкая палітыка ў адносінах да этнічных супольнасцей Беларусі*, [w:] *Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць*, Матэрыялы навуковай канферэнцыі (Мінск, 6-7 снежня, 2001 г.). Мінск 2001, с. 21.

¹³ Р. Р. Лазько, *Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932-1939 гг.)*, Мінск 2000, с. 285.

территории от так называемых «социально опасных элементов», «врагов» и «неблагонадежных».

В Западной Беларуси к ним относили бывших предпринимателей и зажиточных землевладельцев, служащих польского государственного аппарата, военных и сотрудников силовых структур, политических деятелей межвоенной Польши (в их число даже иногда попадали польские и белорусские коммунисты, духовные лица разных конфессий – З. К.). К последним принадлежал и Али Воронович, который в конце 30-х годов занимал должность духовного руководителя (имам) мусульманской общины в Варшаве. Он был арестован в конце января 1941 г. органами госбезопасности в Клецка, куда выехал 9 сентября 1939 г. из Варшавы вместе с женой к ее родителям, спасаясь от фашистского бедствия и начал работать учителем в Клецкой неполной средней школы¹⁴. К сожалению, нет никакой информации о дальнейшей судьбе А. Вороновича после того, как осенью 1941 г. он был этапирован из Барановической тюрьмы в Минск в Центральную тюрьму НКВД Беларуси. Его следы теряются в хаосе военного лихолетья.

Согласно данным Председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь В. Адамушко сделанным автором на основе обработки 40300 персонального учета на жителей Минска, Минской и Витебской областей, которые были репрессированы судебными и несудебными органами в 20-50-я года и реабилитированы в 1955-1994 гг. 49 человек были татарами (0,12% от всего числа репрессированных). В. Адамушко доводит, что выделенные им 40300 людских судеб составляют только 6,5% от оценочного числа всех жертв репрессий 20-50-х годов Беларуси.

¹⁴ Архив КГБ, дело 075851, І. Канапацкі, А. Лашкевіч, *Варшаўскі імам*, «Беларуская мінуўшчына», 1997, №1, сс. 43-44.